

№ 4

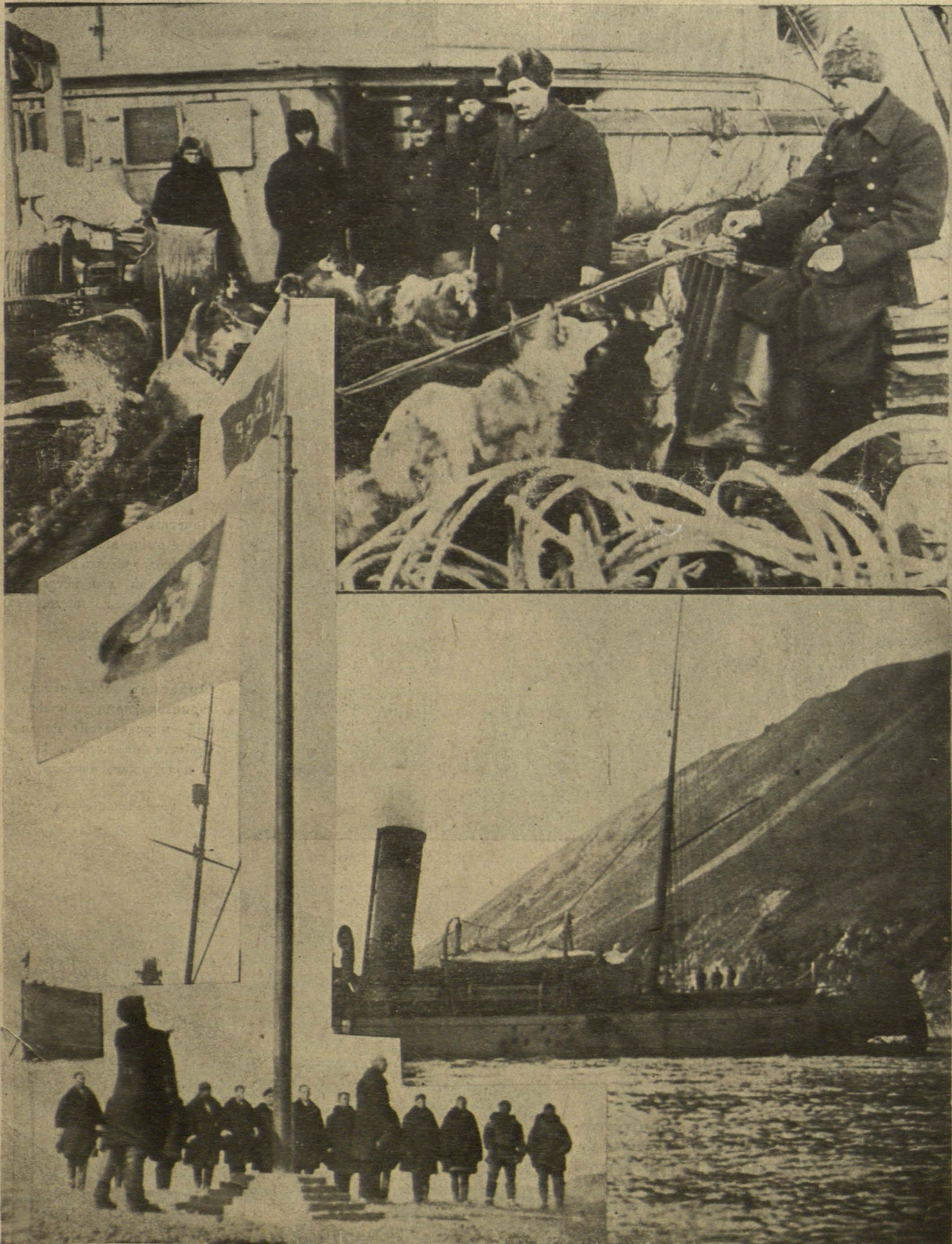
(77)

III-ий
годъ изданія

„AIDAS“

ЭХО

Иллюстрированное приложение къ газетѣ „Эхо“

Совѣтскій флагъ на островѣ Врангеля.

Фот. Press-Photo-News-Service.

Вверху: На борту большевистскаго корабля „Красный Октябрь“ у береговъ острова Врангеля. — Внизу справа: „Красный Октябрь“ въ бухтѣ острова. Справа: горы острова. — Внизу слѣва: Поднятіе совѣтскаго флага на островѣ Врангеля.

См. стр. 4.

BERLINER MESSE

БЕРЛИНСКІЯ ВЕСЕННІЯ ЯРМАРКИ

организованныя

БЕРЛИНСКИМЪ
ЯРМАРОЧНЫМЪ
УПРАВЛЕНІЕМЪ
и авторитетными спе-
ціальными союзами

въ

Выставочныхъ
павилліонахъ

на

Кайзердаммѣ

Домъ радио-промышлен-
ности и автомобильные
павилліоны.

8-11-го февраля 1925 г.

Спеціальная яр-
марка герман-
ской промыш-
ленности пред-
метовъ одежды

Вторая ярмарка
обувнаго и кож-
наго хозяйства

Отдѣль I: ярмарка обуви
и кожи.

Отдѣль II: кожаные и шор-
ные товары.

1-8-го марта 1925 г.

Всегерманская
гигиеническая
ярмарка и
выставка.

15-19-го марта 1925 г.

Имперская
ярмарка отелей
и ресторановъ.

4-9-го апрѣля 1925 г.

Имперская
рекламная
ярмарка.

Справки и проспекты:

**BERLINER
MESSE-
AMT**

**BERLIN C 2
BREITE STRASSE 35**

Французскій посолъ въ Москвѣ.

Вверху справа:

Новый французскій посолъ въ Сов. Россіи **Эрбеттъ** выходитъ изъ вагона по прибытіи въ Москву.

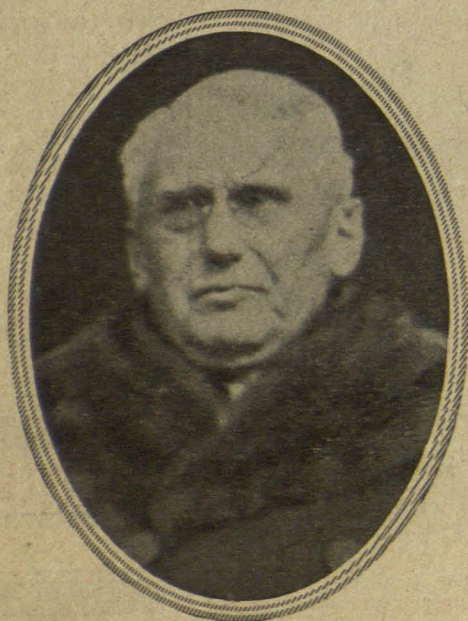
Вверху слѣва:

Почетный караулъ Красной Арміи, выстроенный на Николаевскомъ вокзалѣ въ Москвѣ для встрѣчи французскаго посла.

Слѣва:

Оркестръ московскаго гарнизона, привѣтствовавшій марсельзой посла Эрбетта на перонѣ Николаевскаго вокзала.

Фот. Press-Photo-News-Service.

Слѣва:

Мистеръ **Келлогъ**, б. посолъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, смѣнившій Юза на посту статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ.

Справа:

Троцкій въ отставкѣ. Уволенный въ отставку и подвергнутый опалѣ Троцкій на автомобильной прогулкѣ въ селѣ Архангельскомъ подъ Москвой.

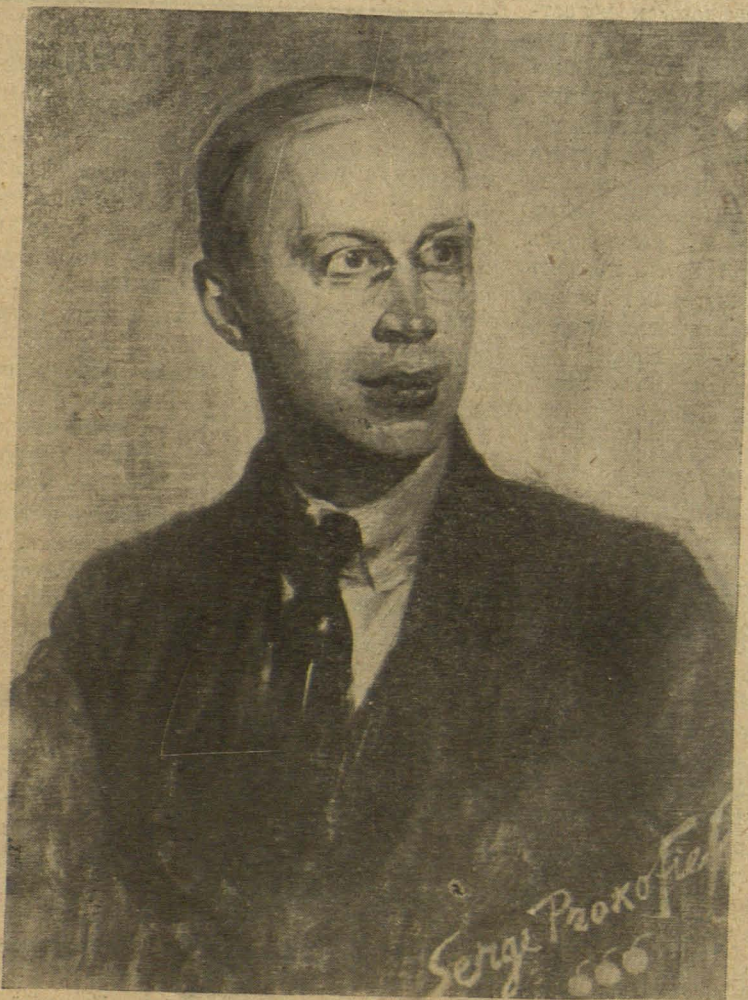

Событія въ Италіи.

Италія является въ настоящее время ареной событийъ большого политическаго значенія. Въ странѣ возникло сильное анти-фашистское движеніе, принявшее форму крупныхъ уличныхъ столкновеній. Борьба Муссолини противъ оппозиціи особенно резко проявляется въ Римѣ, гдѣ, какъ видно изъ фотографіи слева, произошли сильныя столкновенія оппозиціонно-настроинной толпы съ фашистами. Толпа пыгалась атаковать зданіе фашистской газеты „Giornale d'Italia“ (фотографія справа), но была разсѣяна карабинерами. Одинъ изъ вождей оппозиціи Цезарино Росси (снимокъ въ центре) выступилъ съ резкими обвиненіями противъ Муссолини. Росси — б. другъ Муссолини, перешедшій послѣ убійства Маттеоти въ ряды оппозиціи.

Русская музыка за-границей.

Знаменитый русскій композиторъ С. С. Прокофьевъ, гастролирующій въ Зап. Европѣ.

Дамскіе
Туалеты

Пальто
Костюмы

Платья съ отдѣлкой
Юбки для костюма

Корточки
Капоты

Дѣтскія платья

Спортивные костюмы
Отдѣлъ меховъ

Въ нашемъ салонѣ
пріемъ заказовъ
по
последнимъ моделямъ.

Laassen

Leipzigerstrasse 42 Oranienstrasse 165
Ecke Marktgrafenstr. Am Oranienplatz

Встрѣча съ сектантами.

(Отрывокъ изъ мемуаровъ).

Перелистывая въ своей памяти страницы прошлаго, я съ удовольствіемъ останавливаюсь на встрѣчахъ съ сектантами, съ нѣкоторыми яркими представителями «богоисекательства», такъ свойственнаго русскому народу, и не только русскому, но всякому народу. Въ этомъ я убѣдился по своей судебной дѣятельности въ теченіе 40 лѣтъ въ Самарской губерніи и на Волгѣ. По нестротѣ населенія, по массѣ секты и вѣрованій, Самарская губернія занимаетъ первое мѣсто въ Россіи.

Въ 1880 году я познакомился съ однимъ изъ яркихъ представителей сектантовъ — Иваномъ Ненашенцемъ.

Былъ я тогда судебнымъ слѣдователемъ Самарскаго уѣзда, жилъ въ селѣ Старомъ Буянѣ. Слѣдственный участокъ мой былъ обширный; до 200 верстъ въ длину. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, приходилось ѣздить на перекладныхъ.

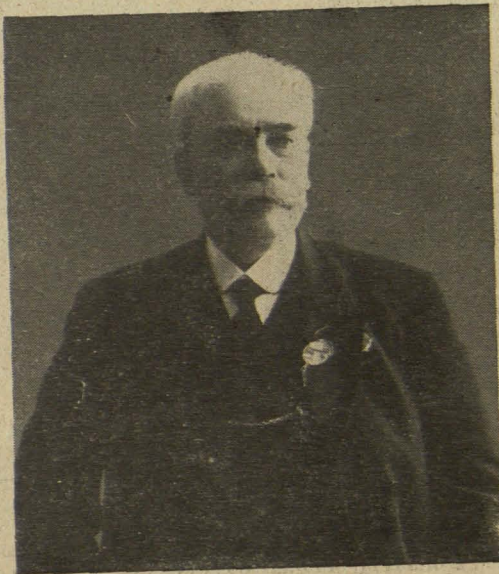
Какъ-то разъ находясь верстахъ въ ста отъ своей камеры, получаю экстренное донесеніе о томъ, что въ лѣсу недалеко отъ Старога Буяна, задержанъ неизвѣстнаго званія человекъ, не отвѣчающій ни на какіе вопросы и своимъ видомъ внушающій всеобщій страхъ. Въ рапортѣ было сказано, что этотъ неизвѣстный должно быть «знатнаго происхожденія», непохожій на бродягъ и что мое немедленное прибытіе необходимо.

Приѣхалъ въ Старый Буянъ; вскорѣ привели ко мнѣ этого неизвѣстнаго. Послѣдній былъ высокаго роста, съ окладистой бородой, патриархальнымъ лицомъ и съ большими вдумчивыми глазами. Пришелъ онъ въ сопровожденіи полицейскихъ десятниковъ, въ рукахъ у которыхъ были для безопасности дубинки; арестантъ смотрѣлъ великаномъ въ обществѣ этихъ стражниковъ, къ которымъ, какъ замѣтно было, онъ относился презрительно добродушно. Почему-то этотъ арестантъ произвелъ на меня крайне симпатичное впечатлѣніе, я какъ-то почувствовалъ, что это не преступникъ и что лично моей безопасности ничто не угрожаетъ. Удаливъ десятскихъ и усадивъ неизвѣстнаго арестанта, я сталъ его разспрашивать.

Сначала онъ недовѣрчиво относился ко мнѣ и на вопросы отвѣта не давалъ, а затѣмъ онъ сталъ отвѣчать, но лишь словами: «Не наше». Сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ моя жена, Екатерина Владимировна, вызвавши меня, сказала, что въ только что полученномъ номере журнала «Отечественныя Записки» имѣется статья о вновь появившейся въ Сибири сектѣ «ненашенцевъ». Слѣдователи этой секты не признаютъ существующаго порядка, считаютъ, что законы, власть — учрежденія не ихъ и на вопросы, относящіеся къ существующимъ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, какъ устроеннымъ не по-божески, отвѣчаютъ: «Не наше». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» описанъ былъ случай съ сибирскимъ генераль-губернаторомъ Синельниковымъ. Посѣщая иркутскую тюрьму, Синельниковъ обращался съ вопросомъ и получалъ отвѣты: «Не наше». Синельниковъ сталъ предлагать цѣлый рядъ вопросовъ, но на все послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ, при чемъ арестантъ шапки

не снималъ, разговаривая съ всеильнымъ генераль-губернаторомъ. За такую дерзость, по распоряженію Синельникова, арестантъ былъ наказанъ розгами.

Пригласивъ арестанта въ столовую, Екатерина Владимировна, прочла ему статью изъ «Отечественныхъ Записокъ» и этотъ «страшный арестантъ», заплакавъ, сказалъ,

Я. Л. Тейтель.

что онъ не бродяга, а крестьянинъ, села Каднабулака, Самарскаго уѣзда, что онъ сосланъ былъ въ Сибирь лѣтъ 15 тому назадъ по приговору тамошняго общества по проискумъ кулаковъ міроѣдовъ и волостнаго начальства, которыхъ онъ обличалъ въ томъ, что они не живутъ «по-божески» и кровь бѣдныхъ пьютъ. Нужно сказать, что въ тѣ времена существовалъ законъ, дававшій право крестьянскимъ и мѣщанскимъ обществамъ ссылать въ Сибирь, по ихъ мнѣнію, безпокойныхъ смутьяновъ. Обычно общество подъ вліяніемъ различныхъ «богатѣевъ» пользовалось этимъ правомъ для ссылки въ Сибирь неудобныхъ этимъ послѣднимъ. При такихъ обстоятельствахъ попалъ въ Сибирь нашъ «таинственный бродяга». Подробно рассказалъ онъ намъ, какъ онъ «прозрѣлъ» въ Сибири, примкнувъ къ сектѣ ненашенцевъ, живущихъ по-божески и что онъ пробирается изъ Сибири въ качествѣ бродяги, чтобы побывать на родинѣ.

«Я только, — сказалъ онъ, — взгляну на свою старушку мать и отдамся въ руки Вашего, какъ Вы называете, закона». Когда я сталъ записывать его показанія, онъ такъ грустно смотрѣлъ на мою работу, и обратился ко мнѣ, сказалъ: «Взяли бѣлый листъ бумаги и дѣлаете его чернымъ, а вѣдь Вы еврей и Ваши предки — апостолы, «всю черноту извести хотѣли!» Вотъ Вы, не жалѣя себя, разѣзжаете по уѣзду, всехъ хотите судить, а вѣдь Іудей Христосъ и апостолы — іудей говорили: «Не судите, да не судимы будете». Эхъ не по Васъ это дѣло! Вамъ бы и Вашей барынь нужно ѣхать къ намъ къ ненашенцамъ». Того же дня я отправилъ этого «ненашенца» въ село Каднабулакъ, предписавъ предъявить его матери и по предъявленіи вернуть ко мнѣ. Частнымъ образомъ я писалъ тамошнему земскому врачу, чтобы онъ устроилъ обратную

поѣздку ненашенца съ его матерью. Спустя нѣсколько дней, «арестантъ» былъ доставленъ обратно въ сопровожденіи своей матери, милой, счастливой старушки. Пробывъ они у меня дня два и затѣмъ ихъ увезли въ Самару. Въ Самарѣ въ то время находился нашъ другъ, извѣстный изслѣдователь сектантства, нынѣ здравствующій, Александръ Степановичъ Пругавинъ. Я ему написалъ объ этомъ ненашенцѣ. Губернаторомъ въ Самарѣ былъ тогда добродушный богомолецъ А. Д. Свербеевъ, сынъ извѣстной славянофильской семьи, очень гуманный и отзывчивый старикъ. Пругавинъ видѣлся съ Свербеевымъ, хлопоталъ за этого ненашенца и послѣдняго съ возможными удобствами, при хорошемъ отзывѣ начальства, отправили обратно въ Сибирь. Мать его изъ Самары вернулась къ намъ, нѣкоторое время жила у насъ и, уѣзжая сказала: «Теперь я готова умереть, я видѣла своего святого Ванюшу» «не удалось нашимъ кровопійцамъ уморить его».

Прошло съ тѣхъ поръ свыше сорока лѣтъ и до сихъ поръ помню полный грусти взглядъ святого Ванюши таинственнаго бродяги, взглядъ полный укора и тоски:

«Зачѣмъ люди занимаются чернымъ дѣломъ? Почему въ жизни они изъ блага дѣлаютъ черное, а не стараются, что бы въ жизни все было свѣтло, чтобы люди жили по божески».

Я. Л. Тейтель

Островъ Врангеля.

(Къ иллюстраціямъ на первой страницѣ.)

На первой страницѣ настоящаго номера помѣщено нѣсколько фотографическихъ снимковъ, иллюстрирующихъ путешествіе совѣтскаго корабля «Красный октябрь» на о. Врангеля. Около года тому назадъ мы познакомили читателей «Эхо» (см. № 10 за 1924 г.), съ этимъ замѣчательнымъ островомъ, лежащимъ въ глубинѣ Сѣвернаго Ледовитаго океана къ сѣверо-востоку отъ Аляски. Мы назвали этотъ островъ «замѣчательнымъ», потому, что населеніе его состоитъ всего изъ 13 человекъ. Островъ былъ открытъ около 100 лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ русскимъ полярнымъ путешественникомъ, адмираломъ Врангелемъ, который водрузилъ на немъ столбъ съ дощечкой, съ надписью «Россійская Имперія». Попытки другихъ изслѣдователей проникнуть на этотъ островъ успѣхомъ не увѣнчались. Впрочемъ, сравнительно недавно англійскій журналистъ Гарольдъ Найсъ проникъ на островъ и объявилъ его англійскимъ. Этотъ фактъ вызвалъ тогда же протестъ совѣтскаго правительства, которое и снарядило свою экспедицію на этотъ островъ, привлекающій къ себѣ вниманіе потому, что существуютъ данныя, указывающія на то, что на островѣ имѣются богатые залежи угля и нефти, а также золота и платины.

Былъ снаряженъ корабль «Красный октябрь», который совершилъ путешествіе на о. Врангеля, гдѣ и поднялъ совѣтскій флагъ.

ВЪ ЧАСЫ ДОСУГА.

Америка сходитъ съ ума.

Это не преувеличеніе. Америка сходитъ съ ума и при томъ не изъ за выборовъ президента или изъ за обостренія отношеній между бѣлой и черной рассами... Америка сходитъ съ ума... рѣшая задачи клѣтокъ.

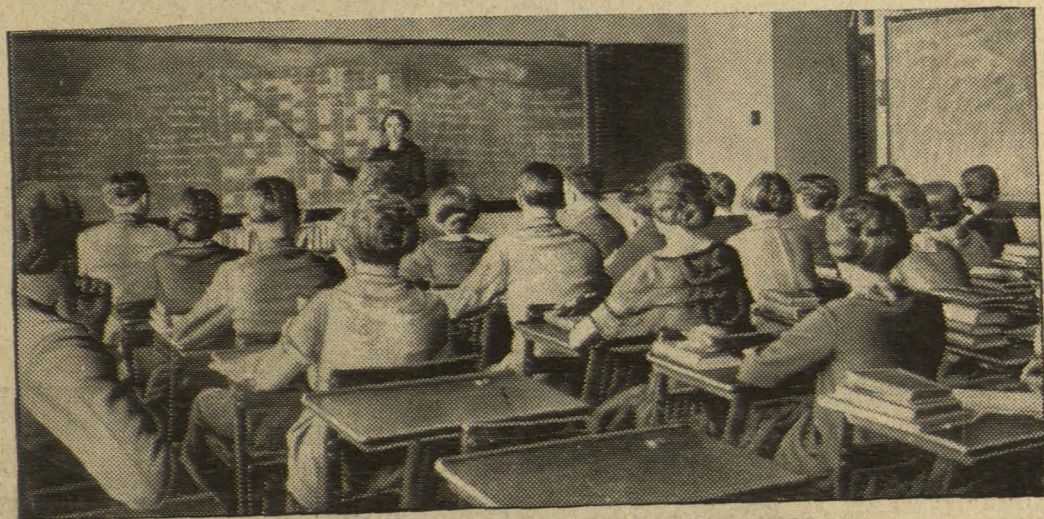
Вся Америка отъ мала до велика — возьмите любой американскій журналъ — занята сейчасъ «ломаніемъ головы» надъ задачами. Эти задачи по существу очень похожи на задачи квадратовъ и акрости-

ховъ, давно уже привлекающихъ вниманіе «досужей» Европы.

Кто то перенесъ этотъ «спортъ» за океанъ, приспособилъ его къ духу дѣловыхъ янки и вотъ теперь «вся Америка» только и дѣлетъ, что рѣшаетъ эти задачи.

Не будемъ голословными. Приводимъ фотографическіе снимки, свидѣтельствующіе о невѣроятной степени увлеченія американцевъ этимъ новымъ видомъ «спорта». На фотографии вверху слѣва изображена группа американскихъ политиковъ, занятыхъ не разрѣшеніемъ проблемы о планѣ Дауса, а всего лишь... разрѣшеніемъ такой загадки. На первомъ планѣ сѣръ Зоненбрунъ 103 лѣтъ отъ роду, председатель клуба пожилыхъ, въ составъ котораго принимаются лица лишь отъ 80 лѣтъ и старше. Внизу — «урокъ задачъ» въ американской школѣ. Задачь не арифметическихъ, а «досужихъ».

Въ слѣдующихъ номерахъ мы предложимъ нашимъ читателямъ такіа задачи.

Задача № 112.

Цѣлое — то что, теперь читаютъ и пишутъ въ Россіи;
Безъ первой буквы — то, о чемъ мечтали и мечтаютъ въ Россіи;
Безъ первыхъ двухъ буквъ — то, чѣмъ была Россія;
Безъ первыхъ трехъ буквъ — то, что было въ Россіи;
Безъ первыхъ четырехъ буквъ — то, что есть въ Россіи.

Задача № 113.

(Сост. А. Шэдъ).

Вы букву первую тотчасъ произнесете,
Коль радость и печаль найдете;
И словомъ вы вторымъ, встрѣчая хитреца,
Не долго думая, руните сгоряча,
А то и шубу изъ него сошьете,
Коль къ модному не очень льнете.
А цѣлое мое легко совсѣмъ понять,
Лишь имя женское назвать.

Задача № 114.

(Сост. П. Сагиръ).

Буквы въ квадратѣ, предлагается разставить такимъ образомъ, чтобы при чтеніи слѣва направо и сверху внизъ получились одинаковыя слова.

а	а	а	а
б	к	к	м
л	р	р	р
у	у	у	у

Задача № 115.

(Сост. Толя Вольфсонъ).

Найти шесть словъ и расположить ихъ въ такомъ порядкѣ одно подъ другимъ, чтобы ихъ первыя буквы при чтеніи сверху внизъ составили европейское государство, а послѣднія буквы при чтеніи въ такомъ же порядкѣ — его столицу:

Значеніе словъ: 1) напитокъ, 2) мѣстоимѣніе, 3) крестьянская работа, 4) городъ

на Волгѣ 5) библейское имя, 6) городъ на югѣ Россіи.

Рѣшеніе задачи № 104. Блокъ.

Рѣшеніе задачи № 105. Лира.

Рѣшеніе задачи № 106.

Топазъ, Андрѣ, консиліумъ, пансіонъ, Рига, Оля, хересь, орель, Далила, Изъяславъ, Тула.

«Такъ проходитъ земная слава».

Правильныя рѣшенія прислали: Никъ Картеръ (Рига) № 106; Ирина Немцова (Прага) №№ 104, 105, 106; Герцель Левинъ (Жосли) №№ 100, 101, 102; В. Василевскій (Ковно) №№ 100, 101, Жена Капланъ (Либава) №№ 104, 105, 106; Толя и Ира Вольфсонъ (Прага) № 106, Муза Калянская (Данцигъ) №№ 104, 105, 106; Маня Сарверъ (Данцигъ) №№ 104, 105, 106; Маня Сарверъ, Нюня Райнъ (Ковно) №№ 104, 105, 106; Г. Симерницкій (Ковно) № 105; Ирми Блумбергъ (Берлинъ) №№ 100, 101, 102, 103; Георгъ Кошке (Берлинъ) №№ 110, 111.

Rheumatismus ★ Gicht ★ Nervenschmerzen

Wach auf!
Die „Gute Fee“
ist da!

„Gute Fee“

Giftfrei
Absolut unschädlich
Wirkt sofort
Greift das Herz nicht an.

Hergestellt unter Aufsicht eines städtlich approbierten Apothekers

PREIS 3 MK D. FLASCHE

Erhältlich in Apotheken

oder bei „Fee-Vertrieb“ Abt. 181 Berlin W.15, Höherzollerndamm 2 Oliva 3343

Neuralgie ★ Ischias ★ Grippe ★ Migräne

Max Noa A. G., Berlin-Niederschönhausen
Здѣсь отпрѣвать и сохрѣнить!

Изъ элегантнаго міра.

Рисунокъ флакона
въ натур. велич.
ок. 150 куб. сант.

Фл. ок. 150 куб. с. - 4,00
" ок. 70 " " - 2,40
" ок. 25 " " - 0,85

Lavendel Russe
Max Noa AG Berlin-Niederschönhausen

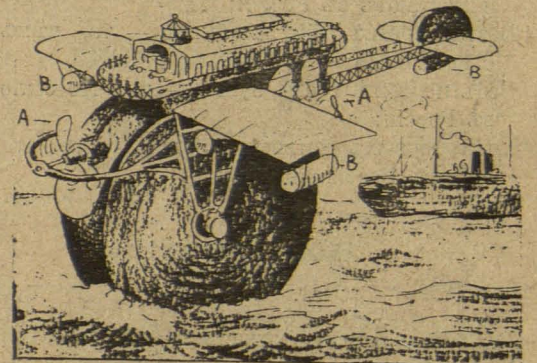
Запахъ невзрачнаго, голубого цвѣтка лаванды, который распускается только подъ голубымъ небомъ южной Европы, съ незапамятныхъ временъ играетъ въ парфюмеріи и медицинѣ важную роль. Лаванда — твое гордое испанское имя «Alhucema» и всѣ твои преимущества были извѣстны уже нашимъ предкамъ. Безспорно, ты производишь свое имя съ латинскаго «lavare» — мыть. Во времена разцвѣта Римской Имперіи ты, благодаря твоему освежающему и оживляющему запаху, была любимицей гордыхъ римлянъ. Твой запахъ наполнялъ павильоны украшенныхъ мозаикой римскихъ бань — этого блестящаго достиженія высоты культуры тѣла. Только въ послѣднее полустолѣтіе стала ты пасынкомъ элегантнаго міра. Тебя, типичное дѣтя юга, пытались изгнать южные, навязчивые цвѣты, индостанскій «Khaskhas». Напрасно. Маленькій, голубой цвѣтокъ лаванды, ты сопротивлялся всѣмъ этимъ капризамъ моды, не подчиняясь ей. Древнее у тебя только имя, а самъ ты каждый годъ вновь чаруешь насъ своимъ запахомъ, естественность котораго мы достигаемъ путемъ примѣненія новѣйшихъ способовъ дестилляцій. «Lavendel Russe» — русская лаванда, это тебѣ навѣрное не снилось. Именно русская. — Твоя дрожь не трогаетъ насъ, нѣжное дитя юга. Не бойся сѣверной конкуренціи, доверься намъ; подобно тому, какъ русскій мускулистый танцоръ вызываетъ наше восхищеніе, танцуя съ нѣжнымъ ребенкомъ юга, такъ и ты, соединившись съ русской юхтой, вновь покоришь сердца истинно элегантнаго міра. Чтобы дать возможность друзьямъ и приверженцамъ его ознакомиться съ «Lavendel Russe», мы будемъ при предьявленіи вышеотпечатаннаго отрѣзнаго купона съ греческимъ гербомъ при покупкѣ одного флакона «Lavendel Russe» бесплатно выдавать второй флаконъ такого же размѣра. Обращайтесь поэтому въ каждый розничный магазинъ, гдѣ Вы по предьявленіи этого купона получите желаемое. Или пришлите вырѣзку намъ и мы вышлемъ Вамъ по почтѣ наложеннымъ платежемъ (пересылка бесплатно) непосредственно или черезъ какую либо специальную фирму два флакона за цѣну одного. *Max Noa A. G., Berlin-Niederschönhausen, б. Max Noa, поставщикъ испанскаго и греческаго двора.*

„Заколдованное мѣсто“.

Въ Берлинѣ есть своего рода „заколдованное мѣсто“, на которомъ вотъ уже нѣсколько разъ происходили автобусныя катастрофы. Это мѣсто — набережная Ландверканала; на этомъ мѣстѣ потерпѣли катастрофу уже три автобуса. Всѣ эти катастрофы сопровождались большимъ количествомъ жертвъ. На фотографіи — снимокъ этого злосчастнаго пункта Берлина.

Паромъ черезъ море.

Среди различныхъ аппаратовъ, представляющихъ собой соединеніе парохода съ аэропланомъ, интересно отмѣтить изображенный на рисункѣ проектъ инженера Кокса. Какъ видно, корпусъ этого страннаго судна представляетъ собой огромное колесо которое какъ бы катится по волнамъ, приводимое въ движеніе сильной электрической машиной внутри. На неподвижной оси его находится платформа для пассажировъ и груза. Сверху колеса укрѣплены широкія крылья, которыя лежатъ на поверхности воды и опираются на воздушные буи В. При движеніи начинаютъ работать воздушные винты А — впереди и позади платформы и весь аппаратъ выходитъ изъ воды, какъ показано на рисункѣ. Изобрѣтатель думаетъ, что аппаратъ, построенный по его модели, сможетъ развить скорость въ 150 килом. въ часъ.

КИНО-ЭХО

Сцены из фильма „Парикъ“.

„Парикъ“.

Очереднымъ „боевикомъ“ зимняго кинематографическаго сезона явится фильма „Парикъ“, поставленная обществомъ „Вести“. Картина принадлежит перу Бертольда Фиртеля, въ фильмѣ — 6 актовъ. Главныя роли исполняютъ Жени Хазельквистъ и Отто Гебюръ — выдающиеся германскіе кино-артисты, имена которыхъ извѣстны далеко за предѣлами ихъ родины.

Другія роли исполняются Генрихъ Стюартонъ, Карломъ Платтенъ, Фредомъ Зелва-Гебелемъ, Яро Фюртомъ и Лилианъ Эрнефельдъ. Эти артисты вполне соответствуютъ той высотѣ, на которой стоитъ вся картина.

Поставлена картина Бертольдомъ Фиртелемъ съ применениемъ всѣхъ новѣйшихъ завоеваній кинематографической техники.

„Парикъ“ явится несомнѣнно фильмовой сенсацией не только Германіи, но европейскаго фильм. рынка вообще.

Радость.

Какія свѣтлыя минуты!
Какой трезвонъ въ глухой тиши,
Когда ослабленныя пути
Спадаютъ съ рвущейся души!

Глаза поютъ. Лицо ликуетъ.
А мысль — порхающій капризь.
И напряженно сердце чувствуетъ
Судьбы нечаянный сюрпризь...

Воздушной пѣной затопила.
Дыханьемъ жаркимъ обожгла.
Но кажетъ черныя стропила
Въ глубокъ свернувшаяся мгла...

... Опять отливъ. Опять могила.
Упрямо сжатые уста.
И на песокъ души средь ила
Тоской растлѣнная мечта...

✱

Печаль.

... Дожди, опять дожди. Уже съ утра
Надъ городомъ гнилая паутина.
Моя печаль — любимая сестра,
Моя печаль — дрожащая осина...

Я снова слышу твой воздушный шагъ
И чувствую твое прикосновенье...
И словно въ темный бархатный оврагъ
Я опускаюсь на мгновенье...

Я ухожу на мигъ изъ бытія
Въ святую тишь душевнаго уюта.
И, кажется, что комната моя —
На корабль таинственномъ каюта.

И я, закрывъ усталые глаза,
Плыву... плыву въ невѣдомыя страны...
... Моя печаль — стыдливая слеза,
Моя печаль — открывшіяся раны...

М. С. Нурд

Подушка для булавокъ.

Каждая швея знаетъ, какъ теряются иголки и булавки во время шитья. Если сдѣлать подушку въ видѣ плоской колбасы и обернуть ее вокругъ ручки машинки, зашить, то булавки всегда будутъ находиться подъ рукой швеи.

Также находятъ удобнымъ намагничивать концы ножницъ и такимъ образомъ подымать съ пола упавшія иголки, которыя трудно ухватить пальцами.

И. Месаксуду

Папиросои

КАРНАВАЛЬ

1925 г.

Головные уборы для fêtes parés.

а) Головной убор „фантази“ бѣлаго и краснаго шелка и сѣраго газа съ золотыми обручами.
б) Русскій головной уборъ изъ раскрашеннаго шелка и серебрястаго газа, прикрѣпленный къ парикку серебряными нитями.

в) Восточный головной уборъ, совсѣнно закрывающій волосы, изъ пестраго шелка, золотыхъ лентъ и большого ка-шюсона, съ яркими сраусовыми перьями.

тами, золотого лапе и марабу. Высшій головной уборъ.

7. Костюмъ ма-ионгъ „зеленый драконъ“ въ японскомъ стилѣ изъ серебр. газа, серебряной юбочки, раскрашенной въ зеленую краску и зеленой бахромей.

8. Фантастическій костюмъ „Пьеро“ изъ зеленого и желтаго атласа съ краснымъ рюшемъ и помпонами. Головной уборъ изъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ лентъ.

9. Фантастическій костюмъ „страусовыя перья“ изъ розоваго крапъ-жоржета съ серебряными лентами и розовыми пилрезами. Головной уборъ — серебряный тюрбанъ съ вѣтромъ изъ страусовыхъ перьевъ.

10-11. Фантастическiе костюмы для кавалера и дамы „Венецiанское рожеко“ изъ розовой тафты съ вышивкой и чернымъ венецiанскимъ кружевомъ.

1. „Принцесса Турандо“, фантастическiй костюмъ. Черные панталоны на шнуркахъ, розовый костюмъ съ серебряной отдѣлкой и жабо.

2. Фантастическiй костюмъ „негра съ плантаціи“ изъ пестраго ситца. Черный галстухъ голубая фетровая шляпа съ желтыми лентами.

3. „Дама сердца“, фантастическiй костюмъ изъ бѣлаго шелка Оригинальные, вышитые серебромъ бриджи, большое красное сердце и красныя перья.

4. Костюмъ яц-банда „Вандониумъ“. Юбка изъ бѣлаго крепа „гармоникой“, украшенная пестрыми лентами, корсажъ изъ голубого бархата, воротникъ и головной уборъ, какъ юбка.

5. Фантастическiй костюмъ „батика“ изъ батикового шелка съ позолоченными шнурами къ нему подхо- дящій головной уборъ.

6. Костюмъ „пушокъ для пудры“ изъ розоваго атласа, вишневаго цвѣта съ леп-

Слабости сильныхъ.

(О суевѣрiи среди боксеровъ.)

Какъ извѣстно, среди лицъ «нервныхъ» профессiи обычно развито сильно суевѣрiе. Суевѣрны моряки и картежники, политическiе дѣятели, актеры и разбойники. Одни, казалось бы, боксеры, борцы, какъ наиболѣе сильные представители сильной половины рода человѣческаго, должны были бы быть чужды этого малодушия.

Оказывается не тутъ-то было.

Нѣтъ ничего удивительнаго увидѣть на какомъ-либо знаменитомъ, заслуженномъ боксерѣ дырявые башмаки или какую-либо другую принадлежность его боксерскаго туалета.

— Какъ? — восклицаютъ негодующiе зрители. — Что мы видимъ! Бѣднягъ Дикси Киду не на что купить себѣ башмаковъ. Какъ терпѣть это общественное мнѣнiе?! Такъ значить его тысячные гонорары это все только басни, а въ дѣйствительности нашъ славный чемпионъ просто на просто жертва гнусныхъ эксплуататоровъ.

Однако дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ.

Дикси Кидъ суевѣренъ, какъ и большинство его коллегъ. Часть костюма, въ которой въ ранней молодости, почти что въ бытность вундеркиндомъ, была одержана первая или какая-нибудь особенно блестящая побѣда, — надѣвается съ тѣхъ поръ уже всегда — пока не истлѣетъ. Разстаться съ ней значить быть навѣрняка битымъ.

Вообще много хлопотъ бываетъ съ боксерскимъ суевѣрiемъ во время состязанiй.

Одинъ тяжеловѣсъ, ревностный католикъ, соглашался бороться только если его другъ, стоя неподалеку, держалъ передъ нимъ распятiе. Другой пользовался всякимъ перерывомъ, чтобы сбѣгать взглянуть на свой талисманъ — цѣпочку съ брелкомъ; приколотъ его къ себѣ къ сожалѣнiю было не къ чему.

Особенно же мучались импрессарио съ однимъ знаменитымъ боксеромъ, ирландцемъ по происхожденiю, который ни за что не соглашался бороться съ рыжими. Бѣдному малому человеку было спросить при подписанiи контракта — какого цвѣта волосы будутъ у его противника, да и самому импрессарио не всегда это бывало извѣстно и потому въ послѣднюю минуту между ними происходили обыкновенно пренеприятные разговоры.

— Не желаю бороться съ Джексономъ! — неожиданно заявлялъ этотъ суевѣрный человѣкъ. — Хоть рѣжьте меня — не пойду!

Подымался переполохъ.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Случилось что-нибудь?

— Ничего не случилось, а просто онъ... онъ рыжій.

И тутъ ужъ никакiе уговоры не помогали. Публика могла ломать стулья и свистѣть, импрессарио винуть на рукъ злополучнаго чемпиона и умолять:

— Милый деритесь! Смотрите, залъ переполненъ. Слушайте, не будьте же кретиномъ! Да вѣдь вы же сами рыжій, чортъ васъ подери!..

— Да, и мои волосы приносятъ несчастiе противнику, — отвѣчать непоколебимый чемпионъ.

Такъ не чужды бываютъ слабости и самимъ сильнымъ мира сего.

ЭНДИ.

СУДЪ ЧЕТЫРЕХЪ

Разсказъ Эдгара Валесса. Рисунки П. Перова.

ГЛАВА V.*)

Переполохъ въ редакціи „Мегафона“.

Издатель «Мегафона», возвращаясь послѣ обѣда, встрѣтилъ на лѣстницѣ старшаго редактора, который, позабывъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ, обратился къ нему съ вопросомъ о «четырехъ».

— Волненіе въ публикѣ все еще продолжается, — отвѣтилъ издатель. — Никто ни о чемъ не говоритъ, кромѣ какъ о предстоящихъ дебатахъ по поводу проекта о выдачѣ иностранныхъ политическихъ преступниковъ, и правительствомъ приняты всѣ мѣры, чтобы не допустить покушенія на жизнь сэра Рамона.

Главный редакторъ задумался и затѣмъ вдругъ спросилъ:

— А вы что думаете объ этомъ?

— Я думаю, что угроза эта никогда не будетъ приведена въ исполненіе. «Судъ четырехъ» въ первый разъ наткнулся на такое сильное сопротивленіе, и не предупреждай они сэра Рамона, что-нибудь у нихъ и вышло бы, но предупредивъ его...

— Ну, мы увидимъ, — перебилъ главный редакторъ и пошелъ домой.

Поднимаясь наверхъ по лѣстницѣ, издатель соображалъ, какъ долго исторія «Суда четырехъ» будетъ наполнять столбцы его газеты, и надѣялся, что злоумышленники произведутъ покушеніе, можетъ быть, неудачное, но въ ихъ попыткѣ онъ былъ увѣренъ.

Его кабинетъ былъ запертъ. Найдя въ карманѣ ключъ, онъ въ темнотѣ вошелъ туда.

— Хотѣлъ бы я знать... — бормоталъ онъ, отвертывая электрическую кнопку.

Что-то ярко вспыхнуло, посыпалась искры, но комната осталась темна.

Испуганный, онъ вернулся въ корридоръ и велѣлъ подать свѣтъ.

— Пошлите скорѣй за электротехникомъ, — крикнулъ онъ, — одинъ изъ дурацкихъ предохранителей лопнулъ!

Когда принесли лампу, комната оказалась полна дымомъ, а электротехникъ нашелъ, что всѣ предохранители сняты и аккуратно сложены на столѣ.

Къ одной изъ планокъ былъ прикрѣпленъ кусочекъ проволоки, конецъ ея лежалъ въ черной коробкѣ, изъ которой выходили клубы дыма.

— Откройте окна! — приказалъ издатель. Въ это время онъ увидалъ зеленовато-сѣрое письмо, лежащее на столѣ. Онъ взялъ его, повернулъ и, распечатавъ, замѣтилъ, что клей былъ еще сырой.

«Уважаемый сэръ, — стояло въ письмѣ, — отвернувши электрическую кнопку, вы увидя, что она не дѣйствуетъ, вообразили себя «жертвой насилія», о которомъ вы такъ часто любите вспоминать. Мы извищаемся

за уничтоженіе лампы и замѣну ея электрическимъ порошкомъ, но теперь вы не сомнѣваетесь, конечно, что намъ было бы точно такъ же легко поставить банку съ нитроглицериномъ, что дало бы вамъ возможность убить самого себя.

«Мы все это сдѣлали, чтобы доказать вамъ, какъ непоколебимо наше рѣшеніе исполнить все, что нами обѣщано относительно хода проекта въ парламентѣ. Никакая сила на свѣтѣ не спасетъ сэра Рамона отъ смерти, и мы обращаемся къ вамъ, какъ къ человѣку, управляющему большой газетой, съ просьбой употребить все ваше вліяніе на правительство и уговорить его съ помощью прессы взять этотъ возмутительный проектъ обратно, чѣмъ вы спасете массу невинныхъ людей, нашедшихъ убѣжище въ Англіи, а также жизнь вашего министра, единственная вина котораго, по нашему мнѣнію, заключается только въ слишкомъ большомъ усердіи и стараніи провести это несправедливое дѣло».

Подпись: «Судъ четырехъ».

Прочтя письмо, издатель протяжно свистнулъ и, обтирая вспотѣвшій лобъ, съ безпокойствомъ взглянулъ на промокшую коробку, брошенную тѣмъ временемъ въ ведро съ водой.

— Что случилось, сэръ? — быстро спросилъ электротехникъ.

— Ничего! — былъ короткій отвѣтъ. — Кончайте вашу работу, закрѣпите провода и можете уходить.

Любознательный электротехникъ съ неудовольствіемъ взглянулъ также на плавающую коробку и оборванные провода.

— Все это очень странно, сэръ, — сказалъ онъ, — если бы вы спросили меня...

— Я ровно у васъ ничего не спрошу, — перебилъ его знаменитый журналистъ, — кончайте-ка скорѣй свою работу!

— Извините, сэръ, — отвѣчалъ электротехникъ.

Черезъ полчаса издатель «Мегафона», сидя съ Вельби, обсуждалъ положеніе этого дѣла.

Вельби, одинъ изъ самыхъ крупныхъ иностранныхъ издателей Лондона, любезно улыбаясь, высказывалъ свое удивленіе.

— Я былъ всегда убѣжденъ, что эти молодцы непремѣнно исполнятъ свое намѣреніе, — говорилъ онъ весело, — и сдѣлаютъ все, что обѣщали, а это очень важно!

— Когда я былъ въ Генуѣ (Вельби получалъ всѣ свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ) или въ Софіи, хорошо не помню, — говорилъ онъ, — я встрѣтилъ тамъ одного господина, рассказавшаго мнѣ въ подробностяхъ дѣло Уреловича. Уреловичъ былъ одинъ изъ убійцъ сербскаго короля, помните? Такъ вотъ однажды этотъ самый Уреловичъ выпелъ изъ дому, чтобы отправиться въ театр, и въ ту же самую ночь его нашлѣ мертвымъ въ городскомъ скверѣ, съ воткнутой въ сердце саблей. При этомъ

были замѣченныхъ два странныхъ обстоятельства. Во-первыхъ, всѣмъ было извѣстно, что полковникъ считался хорошимъ дуэлянтомъ, и ясно, что онъ не просто былъ убитъ, а видимо дрался на дуэли, а во-вторыхъ, онъ послѣ корсетъ, какъ и другіе офицеры, что было замѣчено его противникомъ, который, вѣроятно, ударомъ сабли разрѣзалъ его, потому что корсетъ этотъ лежалъ рядомъ съ трупомъ.

— А что, знали тогда, что это преступленіе было дѣломъ «Суда четырехъ»?

Вельби покачалъ отрицательно головой.

— Я даже никогда не слыхалъ о нихъ до этого, — сказалъ онъ, а затѣмъ спросилъ: — А вы что сдѣлали съ вашей маленькой... коробкой?

— Я спрашивалъ у всѣхъ служащихъ, рассыльныхъ и даже у всѣхъ дежурныхъ въ этотъ день, по никто не видѣлъ ни прихода, ни выхода нашего тайнственнаго посѣтителя! Полагаю, что былъ только одинъ! Все это очень странно! Просто необъяснимо! Знаете, Вельби, это все производитъ на меня удручающее впечатлѣніе! Вѣдь подумайте, клей на конвертѣ былъ еще сырой, значитъ, письмо было, по всему вѣроятію, написано и запечатано за нѣсколько секундъ до моего прихода!

— А окна были открыты?

— Нѣтъ, всѣ три окна были заперты и черезъ нихъ не было никакой возможности влѣзть въ комнату!

Сыщикъ, вошедшій въ это время, чтобы узнать подробности происшествія, выразилъ такое мнѣніе:

— Человѣкъ, написавшій это письмо, долженъ былъ покинуть комнату не болѣе какъ за минуту передъ вашимъ приходомъ, — сказалъ онъ и взялъ въ руки письмо.

— Пошлите скорѣй за электротехникомъ! — крикнулъ онъ. —

*) См. „Эхо“, № 3.

Такъ какъ сыщикъ былъ молодъ и очень дѣятеленъ, то, раньше чѣмъ давать свое заключеніе, онъ рѣшился произвести подробный обыскъ. Онъ обыскалъ всю комнату, поднималъ ковры, стучалъ въ стѣны, осматрѣлъ все шкафы и даже, съ линейкой въ рукахъ, измѣрялъ массу ненужныхъ предметовъ.

— Многіе смѣются надъ разсказами сыщиковъ, — говорилъ онъ улыбающимся жур-

... въ ту-же ночь его нашли мертвымъ въ городскомъ скверѣ.

человѣкъ и стремглавъ летитъ въ другую редакцію, чтобы продать ее тамъ за большую сумму. Такія продѣлки повторяются очень часто.

Въ половинѣ двѣнадцатаго въ комнатахъ редакціи «Мегафона» жизнь закипѣла ключомъ, такъ какъ все сотрудники узнали уже объ «оскорбленіи». Это было грандіозное происшествіе и потому на первой страницѣ газеты крупными буквами стояло:

«Опять «Судъ четырехъ». «Оскорбленіе редакціи «Мегафона». «Дьявольская хитрость». «Еще угрожающее письмо». «Судъ четырехъ» исполнить свое обѣщаніе». «Замѣчательный документъ». «Спасетъ ли полиція сэра Филиппа Рамона!»»

— Статья очень хороша, — сказалъ редакторъ, корректируя ее.

Онъ, собираясь уходить, стоялъ съ Вельби у дверей.

— Недурно, — отвѣтилъ тотъ, — я думаю... Это что такое?

Послѣднее восклицаніе относилось къ разсильному, явившемуся съ какимъ-то постороннимъ господиномъ.

— Этотъ господинъ, сэръ, желаетъ съ кѣмъ-нибудь поговорить, — сказалъ разсильный, — онъ очень взволнованъ, и я рѣшился привести его наверхъ; это иностранецъ, и я его понять не могу.

— Что вамъ угодно, сударь? — обратился издатель къ иностранцу по-французски.

Тотъ покачалъ головой и проговорилъ нѣсколько словъ на иностранномъ діалектѣ.

— А! — вскричалъ Вельби. — Да онъ испанецъ, — и, обратясь къ тому, спросилъ по-испански: — Что вамъ угодно?

— Здѣсь ли редакція этой газеты? — спросилъ испанецъ, вынимая изъ кармана грязный номеръ «Мегафона».

налистамъ, — но я, прочитавъ все, написанное Габорио и Кональ-Дойлемъ, пришелъ къ тому убѣжденію, что надо замѣчать мельчайшія подробности. Не замѣтили ли вы, сэръ, послѣ ухода этого лица пепла отъ сигары или чего-нибудь въ этомъ родѣ?

— Нѣтъ, ничего, — отвѣтилъ серьезно издатель.

— Жаль, — сказала сыщикъ, прощаясь и закрывая адскую машину.

Передъ уходомъ сыщика издатель долго и серьезно поговорилъ съ нимъ.

— Я и вы, одни только знаемъ объ этомъ случаѣ, — прибавилъ онъ, — и если о немъ будетъ извѣстно другимъ лицамъ, то это дастъ мнѣ право думать, что полиція бываетъ болтлива!

— Вы можете быть увѣрены, что мы будемъ молчать, — былъ отвѣтъ сыщика, — мы уже и такъ совсѣмъ запутались.

— Это превосходно, — прибавилъ издатель, и въ словахъ его звучала угроза.

Вельби и издатель сохранили тайну, пока газета не была отправлена въ типографію.

Постороннему человѣку, конечно, это можетъ показаться страннымъ, но люди, работающіе въ газетахъ, знаютъ, что, обыкновенно, все важныя новости извѣстны раньше, чѣмъ появляются въ печати.

Часто бываетъ, что кто-нибудь изъ служащихъ въ редакціи, узнавши случайно какую-нибудь новость, тотчасъ же пишетъ ее на бумажкѣ, бросаетъ ее въ окно, у котораго ее подхватываетъ ожидающій тамъ

— Могу ли я видѣть издателя?

Издатель вздрогнулъ, но назвалъ себя.

Тогда незнакомецъ, оглянувшись кругомъ, прошепталъ нерѣшительно:

— Я одинъ изъ «Суда четырехъ».

Вельби подошелъ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Какъ васъ зовутъ? — быстро спросилъ онъ.

— Тери, отвѣчалъ тотъ.

* * *

Было половина одиннадцатаго, когда кабъ, въ которомъ сидѣли Пойкартъ и Манфредъ, возвращаясь изъ театра, завернулъ на Оксфордскую улицу.

— Ты заявляешь о желаніи видѣть издателя, — говорилъ Пойкартъ, — тогда тебя вѣдутъ въ контору, тамъ ты объясняешь кому-нибудь свое дѣло, но, къ сожалѣнію, они тебѣ помочь ничѣмъ не могутъ, хотя и крайне вѣжливы; ихъ вѣжливость, однако, не доходитъ до того, чтобы проводить тебя до входной двери, а потому, не зная расположенія комнатъ, ты попадешь случайно въ кабинетъ издателя. Зная, что его нѣтъ дома, ты смѣлоходишь туда, устраиваешь все, что тебѣ нужно, и спокойно выходишь обратно, а если же замѣчаешь кого-нибудь, то, напротивъ, останавливаешься въ дверяхъ и громко произносишь нѣсколько прощальныхъ фразъ. Вотъ и все.

Пойкартъ остановился и, закуривъ новую сигару, продолжалъ:

— Употребляй такіе конверты, на которыхъ клей не сохнетъ ранѣе часа, этимъ ты придашь нашему дѣлу еще больше таинственности.

Манфредъ засмѣялся.

— Конвертъ съ сырымъ клеемъ особенно заинтригуетъ англійскую сыскную полицію!

Когда кабъ проѣзжалъ по Оксфорд-Стритъ, Манфредъ постучалъ кучеру и велѣлъ ему остановиться у тротуара.

— А я думалъ, что вамъ далеко еще ѣхать, сэръ, — замѣтилъ кучеръ, получая деньги.

— Да, я тоже такъ думалъ, — отвѣчалъ ему Манфредъ, — спокойной ночи!

* * *

Черезъ нѣкоторое время Манфредъ и Пойкартъ входили въ Пиккадили. Въ ресторанѣ, въ одной изъ нишъ сидѣлъ Гонзалецъ съ длинной папиросой въ зубахъ; его бритое лицо было задумчиво и спокойно.

Хотя никто изъ пришедшихъ не высказалъ ни малѣйшаго удивленія при видѣ Гонзалеца, но все-таки сердце Манфреда сильно забилося, а на блѣдныхъ щекахъ Пойкарта показались два красныхъ пятна.

Когда они усѣлись за столикъ около Гонзалеца, и кельнеръ, получившій ихъ приказанія, отошелъ, Манфредъ шепотомъ спросилъ:

— Гдѣ Тери?

Леонъ, чуть замѣтно пожавъ плечами, спокойно отвѣтилъ ему:

— Тери сбѣжалъ.

Послѣ минутнаго молчанія Леонъ продолжалъ:

— Передъ своимъ уходомъ, сегодня утромъ, ты вѣдь далъ ему пачку газетъ?

Манфредъ утвердительно кивнулъ головой.

— Да, англійскихъ газетъ, — сказалъ онъ, — но Тери не знаетъ ни слова англійски, а такъ какъ тамъ были картинки, я далъ ихъ, чтобы развлечь его.

Въ одной изъ нишъ сидѣлъ Гонзалець.

— Между этими газетами былъ номеръ «Мегафона»?

— Да, да, — вспомнилъ Манфредъ, — тамъ была замѣтка о вознагражденіи и полномъ прощеніи доносчика, написанная на испанскомъ языкѣ, — проговорилъ онъ и задумался. — Да, — продолжалъ онъ, — я прочелъ это позже!

— Ты поступилъ очень неосторожно, — замѣтилъ Пойкартъ.

— Я обратилъ вниманіе, что Тери былъ очень взволнованъ, но рѣшилъ, что это происходитъ отъ нашего вчерашняго разговора съ нимъ, когда мы объяснили ему, какимъ способомъ хотимъ устранить сэра Рамона, и ту роль, какую онъ долженъ играть въ этомъ дѣлѣ.

Такъ какъ кельнеръ явился, неся заказанное кушанье, то Леонъ заговорилъ о другомъ.

— Это мнѣ напоминаетъ исторію лошади, за которую заплачена была такая большая сумма, а между прочимъ эта лошадь явилась въ Англию только черезъ мѣсяць, а прежде никто ея и не видалъ, — сказалъ онъ.

— Мысль, что эта лошадь не перенесетъ благополучно переѣзда черезъ каналъ, была ужасна, — прибавилъ Манфредъ.

Въ это время лакей ушелъ.

— Сегодня утромъ мы вышли съ нимъ прогуляться, — продолжалъ Леонъ, — и, идя по Рижентъ-Стриту, онъ каждую минуту останавливался, любясь на витрины магазиновъ, но едва только мы отошли отъ выставки фотографа, какъ я его потерялъ изъ виду. На улицѣ была масса народа, но Тери не было, и вотъ съ тѣхъ поръ я все ищу его.

Леонъ допилъ свой стаканъ и посмотрѣлъ на часы.

Остальные два пріятеля ничего не пили; можно было замѣтить, что они застегнули свое пальто.

— Опасность, можетъ быть, совсѣмъ не такъ велика, — съ улыбкой произнесъ Гонзалець.

— Я всю вину беру на себя, — заговорилъ Манфредъ, но Пойкартъ остано- вилъ его.

— Ужъ если кто-нибудь и виновенъ изъ насъ, то это одинъ я, — сказалъ онъ, отрывисто смѣясь. — Нѣтъ, Жоржъ, мы слишкомъ мало придавали значенія англійскимъ газетамъ, ихъ хитрости и ловкости, а теперь надо говорить о томъ, кто виновенъ, да, кромѣ того, плутъ еще...

— Дѣвушка изъ Хереса, — закончилъ Леонъ.

Послѣ минутнаго молчанія всѣ трое глубоко задумались.

— У меня здѣсь стоитъ моторъ, — произнесъ Леонъ, — вы сказали, что будете здѣсь къ 11-ти часамъ, и въ Дуврѣ стоитъ наша яхта, такъ что къ разсвѣту мы можемъ быть во Франціи.

Манфредъ взглянулъ на него.

— Ты какъ думаешь? — спросилъ онъ.

— Я совѣтую остаться и окончить дѣло, — отвѣтилъ Леонъ.

— Я тоже такъ думаю, — произнесъ спокойно и твердо Пойкартъ.

Манфредъ позвалъ лакея.

— Есть у васъ послѣднія вечернія телеграммы? — спросилъ онъ.

Лакей принесъ ему двѣ газеты.

Прочитавъ ихъ внимательно, Манфредъ отбросилъ ихъ и заговорилъ:

— Въ этихъ телеграммахъ нѣтъ ничего. Если же Тери пошелъ въ полицію, то мы должны на время скрыться и изобрѣсти другой планъ дѣйствій, а прежній совсѣмъ тогда не годится!.. А можетъ быть, лучше сразу нанести послѣдній ударъ, вѣдь Тери разсказывалъ намъ все, что мы желали узнать отъ него, хотя...

— Это было бы совершенно несправедливо по отношенію къ сэру Рамону, — добавилъ Пойкартъ тономъ, не допускающимъ возраженія, — ему осталось еще два дня и онъ долженъ получить послѣднее предостереженіе.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ Манфредъ, вставая, — мы должны розыскать Тери.

Завтра ты исполнишь то, на что далъ свое согласіе!..

Пойкартъ и Гонзалець тоже поднялись. — Если Тери не отправился въ полицію, такъ куда же онъ дѣлся?

Вопросъ былъ поставленъ Леономъ.

— Въ редакцію той газеты, которая напечатала объявленіе на испанскомъ языкѣ, — отвѣчалъ Манфредъ.

И всѣ трое почувствовали, что это была правда.

— Твой моторъ можетъ намъ пригодиться, — прибавилъ Манфредъ, и они вмѣстѣ покинули баръ.

* * *

Въ кабинетѣ издателя сидѣли два журналиста, а передъ ними стоялъ Тери.

— Тери, — повторилъ Вельби, — я совершенно не знаю такого имени. Кто ты? Гдѣ ты живешь?

— Я, синьоры, изъ Хереса въ Андалузіи, служилъ на винной фермѣ.

— Я совсѣмъ не о томъ спрашиваю тебя, — перебилъ его Вельби, — скажи намъ, откуда ты пришелъ теперь, то есть изъ какой части Лондона?

Тери съ отчаяніемъ всплеснулъ руками.

— Какъ я могу это знать? Тамъ есть дома, улицы, ходятъ люди, мнѣ извѣстно, что это Лондонъ и что тамъ я долженъ былъ убить человѣка, министра, за то, что онъ хотѣлъ провести новый несправедливый проектъ закона, но больше они мнѣ ничего не сказали.

— Они? Кто они? — спросилъ задыхаясь издатель.

— Остальные трое.

— А какъ же ихъ зовутъ?

Тери подозрительно посмотрѣлъ въ лицо того, кто задалъ ему этотъ вопросъ.

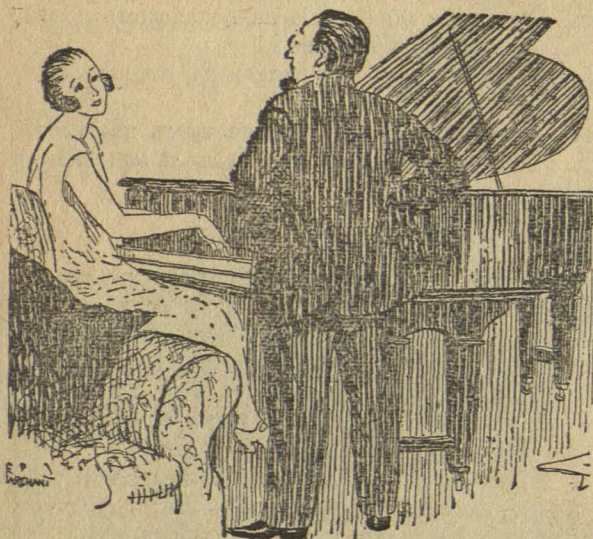
— Обѣщана награда и полное прощеніе, — проговорилъ онъ угрюмо, — и я хочу получить все это, а потомъ ужъ буду говорить.

Издатель подошелъ къ своему столу.

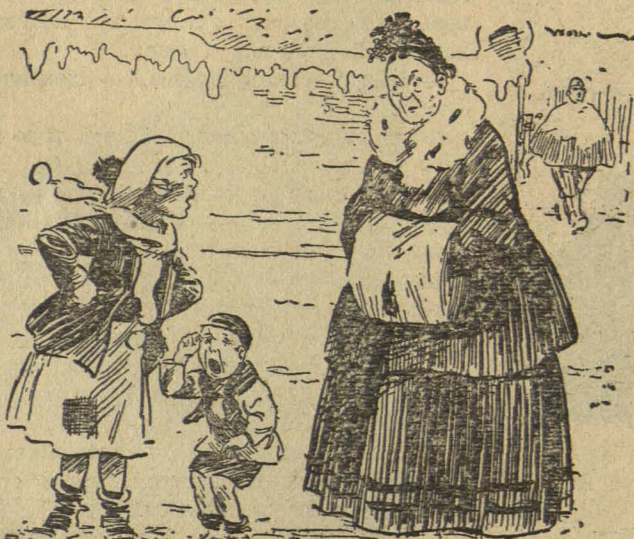
— Если ты дѣйствительно одинъ изъ «Суда четырехъ», — сказалъ онъ, — то получишь свою награду и часть ея я тебѣ дамъ сейчасъ.

Онъ позвонилъ и отдалъ вошедшему разсылному слѣдующее приказаніе:

Иностранный юморъ.

Дама за роялемъ. Вы узнаете это?
Композиторъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ.
Дама. Но вѣдь это-же Ваше произведеніе.
London Mail.

— Дайте же хоть одинъ разъ ребенку исполнить его желаніе. Онъ тогда прекратитъ свой крикъ!
— Этого невозможно. Шелопай хочетъ вишни съ вашей шляпы.
Passing Show, London.

ЗИГЗАГИ.

Старый нищій останавливаетъ на улицѣ хорошо одѣтаго господина и проситъ помочь ему. Господинъ, не желая подать милостыню, спрашиваетъ:

— Почему вы попрошайничаете? Вы должны проводить время съ гораздо большей для себя пользой и трудиться!...

Нищій отвѣчаетъ вопросомъ:

— А вы когда нибудь нищенствовали?

— Конечно, нѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ вы не знаете, что это за трудъ...

— Ступайте въ типографію и велите задерживать всѣхъ наборщиковъ до тѣхъ поръ, пока я самъ не отпущу ихъ.

Внизу въ типографіи гремѣли станки; выпускали первые утренніе номера.

— Теперь, — сказалъ издатель, обращаясь къ Тери, который во все время разговора стоялъ, безпокойно оглядываясь, — теперь скажи мнѣ все, что ты знаешь.

Тери, не отвѣчая, упорно смотрѣлъ внизъ.

— Объявлена награда и амнистія, — шепталъ онъ настойчиво.

— Говори скорѣй, — крикнулъ на него Вельби, — и ты получишь и то, и другое! Скажи прежде всего, что это за «Судъ четырехъ», какъ зовутъ трехъ остальныхъ сообщниковъ и гдѣ они находятся?

— Здѣсь, — раздался громкій голосъ, и, обернувшись, издатель увидалъ незнакомца, закрывающаго дверь. Незвѣстный смѣло подошелъ къ нимъ; онъ былъ во фракѣ и маскѣ. Въ правой рукѣ у него былъ револьверъ. — Я одинъ изъ трехъ, — сказалъ спокойно незнакомецъ, — но остальные двое ждутъ меня внизу.

— Какимъ образомъ вы вошли сюда и что вамъ нужно? — спросилъ редакторъ и протянулъ руку къ ящику своего письменнаго стола.

— Положите руку на столъ, — прозвучалъ голосъ, и дуло револьвера направилось на него.

— Какъ я сюда вошелъ, вамъ объяснить нашъ швейцаръ, когда онъ придетъ въ себя, а здѣсь я затѣмъ, чтобы спасти свою жизнь. Если бы Тери договорилъ, то я бы, конечно, погибъ, а поэтому я и хочу помѣшать ему сдѣлать это. Неправда ли, это все очень естественно? Я лично ничего не имѣю противъ васъ, джентльмены, но если вы будете мнѣ мѣшать, то предупреждаю, что я васъ убью, — добавилъ онъ спокойно. Все это было сказано по-англійски.

Тери, съ широко раскрытыми глазами и раздувающимися ноздрями, во время этого разговора пятился къ двери, тяжело дыша.

— Ты хотѣлъ выдать своихъ товарищей и помѣшать намъ въ достиженіи нашей цѣ-

ли, — сказалъ чужой по-испански онѣмѣвшему отъ ужаса доносчику, — а поэтому долженъ умереть!

При этихъ словахъ онъ направилъ револьверъ въ грудь Тери; тотъ упалъ на колѣни, шепча молитву.

— Клянусь вамъ, что я этого не допущу! — воскликнулъ издатель, бросаясь впередъ, но дуло пистолета обратилось въ его сторону, и голосъ незнакомца произнесъ шепотомъ:

— Умоляю васъ, сэръ, не доводите меня до крайности, иначе я буду принужденъ убить васъ.

— Я не позволю вамъ совершить здѣсь убійства! — снова закричалъ издатель въ бѣшенствѣ и опять хотѣлъ броситься впередъ, но Вельби удержалъ его.

— Къ чему горячиться? — тихо проговорилъ Вельби. — Отъ своего рѣшенія онъ, видимо, не отступитъ, и мы здѣсь ничѣмъ не поможемъ.

— О, нѣтъ, сэръ, вы можете помочь кое-чѣмъ, — возразилъ незнакомецъ, и рука его съ револьверомъ опустилась; но прежде чѣмъ редакторъ успѣлъ отвѣтить, послышался стукъ въ дверь.

— Скажите, что вы заняты, — и револьверъ снова направился на Тери, который, скорчившись, лежалъ у стѣны.

— Уходите, — крикнулъ редакторъ, — я занятъ!

— Наборщики ждутъ, сэръ! — послышался голосъ, и шаги стали удаляться.

— Ну теперь говорите, что мы можемъ сдѣлать? — спросилъ редакторъ.

— Вы можете спасти жизнь этого человека.

— Какимъ образомъ?

— Дайте намъ честное слово, что вы позволите намъ уйти, не поднимая никакой тревоги, и не выйдете изъ этой комнаты въ продолженіи четверти часа.

Издатель колебался.

— А почему я буду знать, что вы не убьете его, выйдя изъ этого дома?

— А почему я знаю, — въ свою очередь спросилъ онъ, — что вы не поднимете тревоги, какъ только я отсюда уйду?

— Я далъ бы вамъ честное слово, сэръ, — холодно отвѣтилъ издатель.

— Я вамъ тоже дамъ свое честное слово, которому никогда еще не измѣнялъ, — послышался спокойный отвѣтъ.

Издатель видимо не рѣшался.

Здѣсь, въ его кабинетѣ, происходило такое рѣдкое происшествіе: еще нѣсколько минутъ, и онъ заставилъ бы Тери выдать свою тайну, даже теперь еще, будь онъ смѣлѣе, можно бы было все спасти... Наборщики ждали, но рука, держащая пистолетъ, была рукой человѣка рѣшительнаго... и издатель сдался.

— Я согласенъ, но съ условіемъ, и предупреждаю васъ, что ареста и наказанія вы не избѣгнете.

— Мнѣ очень жаль, — отвѣчалъ незнакомецъ съ легкимъ поклономъ, — но согласиться съ вами я не могу, потому что избѣгнуть можно всего, кромѣ смерти. Пойдемъ, Тери, — продолжалъ онъ по-испански. — Даю тебѣ свое честное слово, что не трону тебя.

Тери нерѣшительно подошелъ къ нему съ опущенной внизъ головой. Незнакомецъ подошелъ къ двери, слегка приотворилъ ее и сталъ прислушиваться, и въ этомъ моментъ у издателя блеснула гениальная мысль.

— Послушайте, сэръ, — сказалъ онъ быстро, — когда вы вернетесь домой, напишите мнѣ исторію вашей жизни, мнѣ надо никакихъ компрометирующихъ васъ подробностей, напишите только что-нибудь о вашихъ планахъ, стремленіяхъ и мотивахъ, которые заставляютъ васъ такъ дѣйствовать.

— Сэръ, — отвѣтилъ незнакомецъ, и въ его голосѣ звучало восхищеніе, — я узнаю въ васъ великаго литератора, артиста! Завтра вы получите мою исповѣдь, — и съ этими словами онъ и Тери открыли дверь и вышли въ полутемный корридоръ.

Въ слѣдующемъ номерѣ:

Гл. VI. Наканунъ козни.

Гл. VII. Посланный отъ „суда четырехъ“.